

В ПОИСКАХ СВОЕГО ГЕРОЯ

Штрихи к портрету Валерия Золотухина

Как Валерий Золотухин попал в театр на Таганке?

Нет, он не учился на курсе, где Юрий Петрович Любимов поставил «Доброго человека из Сезуана». После окончания музыкально-драматического курса ГИТИСа он работал в театре имени Моссовета. Увидел «Доброго человека...» и понял, что нашел свой театр.

— Короче, после этого мы с моей супругой Ниной Шацкой стали работать на Таганке. Первой ролью была роль Грушницкого в спектакле «Герой нашего времени». Потом участвовал в «10 днях, которые потрясли мир», «Антимирах»...

Появился ампула, нечто вроде «голубого героя». Хотя нет, уже в «10 днях...» был одним из ходоков. Хитроватый мужичонка, лукаво разговаривающий с «матросиком».

Но режиссер В. Назаров, впервые пригласивший Золотухина сниматься, не видел этой работы. Предложенная роль оказалась очень интересной, как и весь фильм. Назывался он «Полет». Фильм, который во многом определил стилистику таких лент, как «Белое солнце пустыни», «Гори, гори, моя звезда», «Бумбараш». С этим фильмом закрепился за Золотухиним новый тип, несмотря на его «франных героев» (скажем, князь Егорушкин в «Цветках запоздалых»). Тип простака, который тем не менее себе на уме.

— Мне уже не очень интересно создавать характеры такого плана. Хочется попробоваться в новом, неизвестном качестве. Повторять то, что уже найдено, пусть и удачное, не интересно. Да к тому же, везде приходится петь.

— А как же в повести вашей: «Пой, а больше ничего и не надо. Всем пой, кто попросит. Не жалея себя, тогда хватит на всех...»

— Да, «пой всем», но не все. Я могу петь только то, что мне близко. «Ой, мороз-мороз», скажем. Но есть песни, которые могут исполнять многие, и я в том числе, хуже многих. Недавно на телевидении мне предложили спеть «Тучи над городом встали». Петь эту песню после Бернеса?! Надо очень тщательно стбировать «свои» вещи. Но не всегда это удается.

Я пел и в «Двенадцати стульях», и в новом фильме «Иван Васильевич меняет профессию», и в «Инженере Прончатове». Но дальше надо уже остановиться и задуматься.

Я даже в театре сейчас чувствую, что когда выхожу на сцену, зритель ждет песню. Мне говорят: «Ну, что же, таков твой стиль».

— Кстати, о зрителе. Каким вы себе его представляете, для кого играете?

— Для меня зритель всегда воображаемый. Это могут быть мои друзья, мнения которых для меня значат очень многое. Иногда

это мои односельчане. Иногда мой герой. Я рассказываю в зале сержанта Серейкина, Бумбараша, Кузькина, думаю, как они будут реагировать, воспринимать меня на сцене. Понимают или не понимают они, то что я хочу сказать? Но, наверное, самый строгий зритель — ты сам.

Режиссер Владимир Назаров, у которого Золотухин снимался в фильмах «Панет», «Хозяин тайги», «Пропажа свидетеля», рассказывал об удивительной работоспособности актера, о его высоком профессионализме. И еще о его человеческих качествах — простоте, доброжелательности.

— Представляете ли себя вне театра?

— Представляю. Когда я впервые увидел напечатанной свою повесть, я выучил все буквально наизусть. Шел по улицам и читал. Чуть под машину не попал...

Сейчас пишу еще одну повесть, как бы продолжение предыдущей. Она будет называться «Дребезги».

Работы впереди много: здесь и сценарий о песне, который мы будем делать с режиссером В. Титовым. И произведения Брехта, Абрамова, Гоголя, которые стоят в плане театра. А в кино — фильмы «Каждый день доктора Калининской», «Царевич Проша», и... буду ждать своих ролей.

Н. КИРЕВА.